

Говард Филлипс Лавкрафт

Из глубин мироздания

(From Beyond)

Странная, не поддающаяся рациональному объяснению перемена произошла в моем друге Кроуфорде Тиллингасте. Я не встречал его с того самого дня, когда два с половиной месяца назад он поведал мне, к какой цели вели его физические и метафизические исследования. Тогда на мои опасения и увещевания он ответил тем, что в приступе ярости выдворил меня из своего дома. Я знал, что после этого он заперся в лаборатории с этой ненавистной мне электрической машиной, принимая пищу от случая к случаю и отвергая помощь прислуги. Однако я не думал, что такой короткий промежуток времени, как десять недель, способен столь сильно изменить и обезобразить человеческое существо. Согласитесь, не так уж приятно видеть некогда цветущего человека неожиданно и сильно исхудавшим, а еще неприятнее замечать, что его обвисшая кожа желтеет, а местами становится серой, глаза проваливаются, округляются и жутко поблескивают, лоб покрывается сетью морщин с проступающими сквозь них кровеносными сосудами, а руки дрожат и подергиваются. Если же к этому еще добавить и отталкивающую неряшливость, неразборчивость в одежде, нечесаную и начинающую редеть шевелюру, давно не стриженную седую бороду, почти скрывающую некогда гладкое лицо, то невольно испытываешь нечто близкое к шоку. Именно таким предстал передо мной Кроуфорд Тиллингаст в ночь, когда его малопонятная записка заставила меня после нескольких недель изгнания вновь появиться у знакомой двери. То, что предстало передо мной со свечой в трясущейся руке на пороге старого, уединенного дома на Беневолент-стрит, скорее напоминало тень человека – карикатурный образ, поминутно озирающийся по сторонам и пугающийся каких-то невидимых либо видимых только ему одному вещей.

Слухи о том, что Кроуфорд Тиллингаст когда-то занимался наукой и философией, являются не более чем слухами. Заниматься такими вещами впору беспристрастному человеку с холодным рассудком, а для чувственного и импульсивного человека, каким был мой друг, наука сулила две равные по своим трагическим последствиям возможности – отчаяние в случае провала или невыразимый и неопишуемый ужас в случае успеха. Однажды Тиллингаст уже потерпел неудачу и, как следствие, развил в себе склонность к затворничеству и меланхолии. Теперь же, по страху, который он испытывал, я понял, что он стал жертвой собственного успеха. Я предупредил его об этом еще десять недель назад, когда, увлеченный своей фантастической идеей, он с головой ушел в исследования. Тогда он был чрезвычайно возбужден, покраснелся и излагал свои идеи неестественно высоким, но, как всегда, монотонным голосом.

– Что знаем мы об этом мире и о Вселенной? – говорил он. – У нас до абсурдного мало органов чувств, а наши представления об окружающих предметах до невероятного скудны. Мы видим вещи такими, какими мы созданы их видеть, и мы

не в состоянии постичь абсолютную их суть. Со своими пятью жалкими чувствами мы лишь обманываем себя, иллюзорно представляя, будто воспринимаем весь безгранично сложный космос. В то же самое время иные существа, с более сильным и широким спектром чувств, могут не только по-иному воспринимать предметы, но способны видеть и изучать целые миры материи, энергии и жизни, которые окружают нас, но которые никогда не постичь земными чувствами. Я всегда верил, что эти странные, недостижимые миры существуют рядом с нами, а сейчас, как мне кажется, я нашел способ разрушить преграду, отделяющую нас от них. Я не шучу. Через двадцать четыре часа вот эта машина, что стоит у стола, начнет генерировать энергию, способную оживить наши атрофированные или, если угодно, рудиментарные чувства. Эта энергия откроет доселе неизвестные человеку перспективы в постижении органической жизни. Мы увидим причину, по которой ночью воют собаки, а кошки наостряют слух. Мы увидим это и многое другое из того, что недоступно обыкновенным смертным. Мы преодолеем время, пространство и границы измерений и, не сходя с этого места, проникнем в сокровенные глубины мироздания.

Когда Тиллингаст закончил свою речь, я принялся всячески отговаривать его от этой затеи, ибо, зная его достаточно хорошо, испытал скорее испуг, чем чувство радости и торжества. Но он был фанатично одержим своей идеей и, не пожелав меня слушать, выставил из дома. Его фанатизм не иссяк и сейчас, но желание высказаться оказалось сильнее обиды, и он прислал мне несколько строк, написанных в повелительном тоне, но при этом почерком, который я едва смог разобрать. Войдя в обиталище друга, который так неожиданно превратился в трясущееся подобие горгульи, я похолодел от ужаса, который, казалось, исходил от всякой тени в этом сумеречном доме. Слова и заверения, прозвучавшие здесь десять недель тому назад, словно бы приобрели физическую плоть и отчетливые очертания. Я вздрогнул при звуке глухого, изменившегося до неузнаваемости голоса хозяина. Я хотел было кликнуть прислугу, но Тиллингаст заявил, что все слуги покинули его три дня тому назад. Это сообщение пришлось мне очень не по душе. Мне показалось по меньшей мере странным, что старый верный Грегори оставил хозяина, даже не сообщив об этом мне – его давнему и испытанному другу. Именно от Грегори получал я известия обо всем происходившем здесь с того дня, как Тиллингаст в припадке ярости выставил меня из дома.

Но понемногу обуревавшее меня чувство страха вытеснялось все возрастающим любопытством. О том, что именно потребовалось Кроуфорду Тиллингасту от меня на сей раз, я мог только догадываться, – но то, что он обладал великой тайной, которой жаждал поделиться, не вызывало у меня ни малейших сомнений. Прежде я всячески противился его желанию прорваться в неведомые сферы бытия; но сейчас, когда он, похоже, добился определенных успехов, я был почти готов разделить его ликование, хоть и видел, какой страшной ценой досталась ему эта победа. И вот я безмолвно двинулся по темным пустынным комнатам туда, куда вело меня неяркое желтое пламя свечи в дрожащей руке этой пародии на человека. Электричество было отключено по всему дому, а когда я спросил почему, Кроуфорд ответил, что так и должно быть.

– Но это уж слишком... Я никогда не осмелюсь... – различил я среди сплошного потока невнятных фраз, которые мой друг бормотал себе под нос. Это весьма встревожило меня, ибо ранее за ним никогда не водилось привычки разговаривать с самим собой.

Мы вошли в лабораторию, и я снова увидел эту отвратительную электрическую машину, излучавшую жуткий фиолетовый свет. Она была подключена к мощной химической батарее, но, по-видимому, была обесточена, ибо в данный момент не вибрировала, издавая устрашающие звуки, как мне это случалось наблюдать раньше. В ответ на мои расспросы Тиллингаст пробубнил, что свечение, исходящее от машины, не имеет электрической природы.

Он усадил меня слева от нее и повернул выключатель, расположенный под рядом стеклянных ламп. Послышались привычные звуки, сначала напоминающие плевки, затем переходящие в жалобный вой и завершающиеся постепенно сходящим на нет жужжанием. Одновременно свечение то усиливалось, то ослабевало и наконец приобрело какой-то бледный, тревожащий цвет или, точнее, палитру цветов, которую я не мог не то чтобы описать, но даже вообразить. Тиллингаст, который внимательно наблюдал за мною, усмехнулся, увидев мою озадаченную гримасу.

– Хочешь знать, что это такое? – прошептал он. – Это ультрафиолет.

Я изумленно выпучил глаза, а он, не переставая ухмыляться, продолжал:

– Ты считал, что ультрафиолетовые лучи не воспринимаются зрением, – и был абсолютно прав. Но сейчас ты можешь наблюдать их, как и многое другое, ранее недоступное человеческому взору. Я объясню. Волны, вырабатываемые машиной, пробуждают в нас тысячи спящих чувств, унаследованных нами за период, простирающийся от первых до последних шагов эволюции, от состояния свободных электронов до формирования человеческого организма. Я лицезрел истину и теперь намерен открыть ее тебе. Хочешь посмотреть, как она выглядит? Сейчас покажу. – Тиллингаст сел, задув свечу, напротив меня и не мигая уставился мне в глаза. – Органы чувств, которые у тебя имеются, и прежде всего слух, уловят множество новых, доселе неизвестных ощущений. Затем появятся другие. Ты когда-нибудь слышал о шишковидном теле? Мне становится смешно, когда я думаю об этом жалком эндокринологе, об этом запутавшемся вконец человекишке, этом выскочке Фрейде. Тело – это есть величайший орган из всех, которые только имеются у человека, и открыл это я. Подобно глазам, оно передает зрительную информацию непосредственно в мозг. Если ты нормален, ты получаешь эту информацию в полной мере... естественно, я имею в виду образы, приходящие из глубин мироздания.

Я окинул взором огромную, с наклонной южной стеной мансарду, залитую тусклыми лучами, недоступными обычному глазу. Дальние ее углы были по-прежнему темны, и все помещение казалось погруженным в нереальную дымку, скрывавшую его действительную природу и влекущую воображение в мир фантомов и иллюзий. Тиллингаст замолчал. Мне представилось, что я нахожусь в некоем огромном экзотическом храме давно умерших богов, некоем сплетенном из тумана

строении с неисчислимыми колоннами черного камня, взлетающими от основания влажных плит к облачным высотам, что простираются за пределами моего видения. Картина эта некоторое время сохраняла отчетливость, но постепенно перешла в жуткое ощущение полного, абсолютного одиночества посреди бесконечного, невидимого и беззвучного пространства. Казалось, меня окружает одна пустота и больше ничего. Я почувствовал, как на меня наваливается ужас, какого я не испытывал с самого детства. Он-то и заставил меня выхватить из кармана револьвер – с тех пор, как я подвергся нападению в Ист-Провиденсе, я всегда ношу его с собой, покидая дом в темное время суток. Затем откуда-то из бесконечно удаленных в пространстве и времени областей до меня начал доноситься звук. Он был едва уловимым, слегка вибрирующим и, вне всякого сомнения, музыкальным, но в то же время в нем был оттенок какой-то исступленной дикости, заставивший все мое естество испытать нечто похожее на медленную, изощренную пытку. Затем раздался другой звук, напоминающий царапанье по шероховатому стеклу. Одновременно потянуло чем-то вроде сквозняка, казалось, исходившего из того же источника, что и звук. В то время как, затаив дыхание, я напряженно вслушивался, звук и поток воздуха усиливались, и внезапно я увидел себя привязанным к рельсам на пути быстро мчащегося поезда. Но стоило мне заговорить с Тиллингастом, как видение это мгновенно прекратилось. Передо мной снова были только человек, уродливая машина и погруженное в полумрак пространство за ней. Тиллингаст омерзительно скалился, глядя на револьвер, почти бессознательно вынутый мною из кармана. По выражению его лица я понял, что он видел и слышал все то, что видел и слышал я, если только не больше. Я шепотом пересказал ему свои впечатления. В ответ он посоветовал мне оставаться по возможности спокойным и сосредоточенным.

– Не двигайся, – предупредил он. – Мы можем видеть в этих лучах, но не забывай о том, что и нас видят тоже. Я уже говорил тебе, что слуги ушли из дома, но не сказал каким образом. Эта глупая баба, моя экономка, включила внизу свет, хотя я строго-настрого предупреждал ее не делать этого. Естественно, в следующее мгновение колебания тока в энергосети пришли в резонанс с излучением. Должно быть, это было страшно: их истошные вопли доносились до меня, прорываясь сквозь пелену всего того, что я видел и слышал в другом измерении. Нужно признаться, что и меня пробрал озноб, когда я обнаружил одежду, кучками валявшуюся вокруг дома. Одежда миссис Апдайк лежала возле выключателя в холле – тут-то я все и понял. Оно утатило их всех до единого. Но пока мы не двигаемся, мы в безопасности. Не забывай о том, что мы контактируем с миром, в котором мы беспомощны, как младенцы... Не шевелись!

От этого шокирующего откровения и последовавшей за ним резкой команды я испытал нечто вроде ступора, и в этом необычном состоянии моему разуму вновь предстали картины, идущие из того, что Тиллингаст назвал «глубинами мироздания». Я погрузился в водоворот звуков, неясных движений и размытых картин, разворачивающихся перед моими глазами. Очертания комнаты окончательно расплылись, и в образовавшемся черном пространстве появилось отверстие, своеобразный фокус, откуда исходил, постепенно расширяясь, поток непонятных клубящихся форм, казалось, пробивавший невидимую мне крышу дома в какой-то определенной точке вверху и справа от меня. Передо мной вновь предстало видение храма, но на этот раз колонны уходили в океан света, из которого вырывался

слепающий луч, уже виденный мною прежде. Картины и образы сменяли друг друга в бешеном калейдоскопе. В потоке видений, звуков и незнакомых мне доселе чувственных впечатлений я ощутил в себе желание и готовность раствориться в них или просто исчезнуть. Одну такую вспышку образов я запомнил навсегда. На какое-то мгновение мне привиделся клочок ночного неба, исполненного светящихся вращающихся сфер. Затем видение отступило, и я увидел мириады сияющих солнц, образывавших нечто вроде созвездия или галактики необычной формы, смутно напоминавшей искаженные очертания лица Кроуфорда Тиллингаста. В следующий момент я почувствовал, как огромные живые тела касаются, а некоторые даже просачиваются сквозь меня. Тиллингаст, судя по всему, внимательно наблюдал их движение. Я вспомнил, что он говорил о шишковидном теле, и мне стало интересно узнать, какие неведомые откровения являются его сверхъестественному взору.

Неожиданно все окружающее предстало мне в увеличенном виде. Сквозь светящийся эфемерный хаос проступила картина, в которой хотя и нечетко, но все же различимо присутствовали элементы некоей связности и постоянства. Это было что-то очень знакомое, точнее, что-то неестественно наложенное на привычную окружающую действительность, подобно тому как кинокадр проецируется на расписной театральный занавес. Я видел лабораторию, электрическую машину и размытые очертания Тиллингаста, который сидел напротив меня. Но пространство, свободное от привычных глазу вещей, было до отказа заполнено неопируемыми живыми и неживыми формами, сплетающимися друг с другом в отвратительные клубки, а возле каждого знакомого предмета кишели сонмы непостижимых чужеродных существ. Казалось, все земные предметы вступали в сложные взаимодействия с чужеродными – и наоборот. Среди живых объектов выделялись желеобразные, чернильного цвета чудовища, извивавшиеся в унисон с вибрацией машины. Они кружили вокруг в пугающем изобилии, и я с ужасом взирал на то, как они сливались и разделялись, – их текучесть позволяла им просачиваться сквозь что угодно, даже сквозь тела, которые мы аксиоматично полагаем твердыми. Эти существа не стояли на месте, а неустанно плавали во всех направлениях, как если бы были одержимы какой-то зловещей целью. Временами они пожирали друг друга – атакующий стремительно бросался к жертве, и в следующее мгновение последняя бесследно исчезала. Внутренне содрогнувшись, я догадался, как исчезли несчастные слуги, и после того уже не мог избавиться от мысли об этих существах, продолжая наблюдать открывшийся мне запредельный мир. Тиллингаст, не спуская с меня глаз, произнес:

– Ты видишь их? Видишь? Ты видишь этих плывущих и прыгающих вокруг тебя, этих проникающих сквозь тебя существ? Ты видишь то, что составляет наш чистый воздух и наше голубое небо? Разве не преуспел я в ломке старых представлений и не показал тебе мир, скрытый от глаз простых смертных?

Он продолжал истошно вопить среди всего этого хаоса, угрожающе приблизив свое лицо к моему. Глаза его горели, как два раскаленных уголька, и только теперь я заметил, что они были полны ненависти. Машина исторгала из своих недр невыносимые звуки.

– Ты, наверное, вообразил, что эти неповоротливые существа утащили моих слуг? Глупец, они безобидны! Но слуги исчезли, не так ли? Ты пытался остановить меня, ты пытался разуверить меня, когда я больше всего нуждался в твоей поддержке. Ты

убоялся вселенской истины, жалкий трус, но ничего – сейчас ты в моих руках! Что унесло слуг? Что заставило их так кричать?... Не знаешь, да? Подожди, скоро узнаешь. Смотри мне в глаза и слушай меня внимательно. Ты полагаешь, что существуют пространство и время. Ты также уверен в том, что миру присущи материя и форма. Я же исследовал такие глубины мироздания, которые твой убогий мозг просто не в состоянии представить. Я заглянул за границы беспредельного и воззвал к демонам звезд... Я обуздал духов, которые, путешествуя из одного мира в другой, повсюду сеют смерть и безумие... Космос отныне принадлежит мне! Ты слышишь? Эти существа сейчас охотятся за мной – существа, которые пожирают и переваривают все живое, но я знаю, как спастись от них. Вместо меня они заберут тебя, как до этого забрали слуг... Что, испугался, мой дорогой? Я предупреждал тебя, что здесь опасно шевелиться. Этим я спас тебя от смерти, но спас только для того, чтобы ты мог еще немного поглазеть вокруг да послушать меня. Если бы ты хоть чуточку шелохнулся, они бы уже давным-давно тебя слопали. Не беспокойся, они не сделают тебе больно. Слугам тоже не было больно – просто один вид этих тварей заставил бедняг орать что есть мочи. Мои любимцы не очень-то красивы, но ведь они из миров, где эстетические стандарты слегка отличаются от наших. Переваривание, уверяю тебя, происходит почти мгновенно. Но я хочу, чтобы ты прежде увидел их по-настоящему. Сам я стараюсь их не видеть, поскольку знаю, когда нужно остановиться. Ну как, тебе интересно? Нет? Я так и знал, что ты не настоящий ученый! Дрожишь, а? Дрожишь от нетерпения лицезреть высших существ, обнаруженных мной? Почему же ты не хочешь шевельнуться? Что, устал? Брось, не волнуйся, дружище, они уже близко ... Взгляни, да взгляни же, будь ты проклят!.. Смотри, одно из них как раз зависло над твоим левым плечом!..

О том, что последовало за этим, рассказывать неинтересно, да в этом и нет никакой надобности. Вы наверняка все знаете из газет. Проходившие мимо полицейские услыхали выстрел в доме – Тиллингаста обнаружили мертвым, а меня без сознания. Сначала меня арестовали, так как револьвер, из которого стреляли, принадлежал мне, однако уже через три часа я был на свободе. Экспертиза установила, что Тиллингаст скончался от апоплексического удара, а я стрелял по машине, бесполезные обломки которой теперь были разбросаны по всему полу лаборатории. Об увиденном мною в ту ночь я не проронил ни слова, опасаясь, что следователь отнесется к этому со вполне понятным недоверием. Из уклончивых показаний, которые я предоставил на дознании, врач заключил, что я находился под гипнотическим воздействием мстительного и одержимого жаждой убийства маньяка.

Хотелось бы верить врачу. Тогда я смог бы наконец пересмотреть свои вновь приобретенные представления о строении воздуха и небесных сфер и привести в порядок мои расстроенные вконец нервы – а заодно избавиться от гнетущего ощущения чьего-то постоянного присутствия за моей спиной. Единственный факт, который до сих пор заставляет меня сомневаться в правоте доктора, заключается в том, что полиции так и не удалось обнаружить тела пропавших слуг, убитых, по их мнению, Кроуфордом Тиллингастом.

*Перевод: Олег Скворцов
1992 год*